

24. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 98.

М.И. Parfenya

Self-government in peasant Communities of Verkhoturye district in the XVII century

*Parfenya Mariya Igorevna, undergraduate, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia;
e-mail: maryaparfenya@gmail.com.*

Abstract. *The article discusses the functioning of peasant self-government in Nitsinskaya, Belosludskaya and Pyshminskaya settlements (slobody) of Verkhoturye district in the 17th century. The rights and duties of the elders (starosty), relationship between them, peasant community (obsh'ina) and the state are analyzed.*

Keywords: *peasants, self-government, community, Western Siberia, 17 century, social history.*

УДК 94(470.5)

И.А. ПОПП¹

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В 1860–1890-х ГОДАХ НА УРАЛЕ: к проблеме борьбы с пьянством «волостных начальников»

Аннотация. В статье показана «борьба» с пьянством в среде в крестьянском самоуправлении в период 1860–1890-х гг. Мягкие наказания для пристрастных к алкоголю волостных старшин, писарей, сельских старост и освобождение от наказаний «подвыпивших» сельских должностных лиц способствовали дальнейшему ослаблению контроля за пореформенными крестьянскими учреждениями и ухудшению отношения современников к крестьянскому сословию в целом.

Ключевые слова: *крестьянское самоуправление, волостные старшины, сельские старосты, Великие реформы, пьянство, алкоголизм, Пермская губерния, крестьянская община, волостной суд.*

¹ Попп Иван Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург; e-mail: popp82@mail.ru.

После отмены крепостного права большинство проблем, возникавших в сфере многочисленного крестьянского сословия, современники связывали с употреблением алкоголя. В частности, Н. Дружинин писал: «Среди причин нынешнего деревенского настроения пьянство считается одной из важнейших... Пьянство — это настоящая язва, разъедающая государственный и народный организм. Независимо от пагубного экономического значения, пьянство принижает личность крестьянина, его человеческое достоинство» [1, с. 131]. Хотя зависимость от спиртных напитков во многом определяла повседневность сельского населения: «Расходы на водку всегда были неотъемлемой частью крестьянского бюджета» и любое увеличение цен на спиртные напитки имело для них серьезные последствия [2, с. 134].

Об алкоголизме в крестьянской среде достаточно подробно сообщалось в столичных и региональных печатных изданиях. Авторы заметок пытались не только оценить «масштаб бедствия» от массового спаивания населения в кабаках [3, с. 639], вскрыть причины «упадка в народе нравственности и развития в нем пьянства» [4, с. 66], но и довольно ярко описывали поводы, ситуации и приемы «винопития». Так, выдача приговоров на содержание питейных заведений, прием в среду общества новых лиц, увольнение из общества, выдача общественникам ручательства на взятие какого-либо подряда, ассигнование жалования волостным и сельским писарям или назначение на эти должности новых лиц могли стать отличным основанием для потребления водки.

Пристальное внимание современников привлекало крестьянское самоуправление. В екатеринбургской еженедельной газете представлялась печальная картина «самосудства» и «самодурства» на крестьянских волостных сходах, которые выбирали волостную исполнительную и судебную власти на срок от года до трех лет: «Сам сход представляет из себя картину пьяных мужиков, галдящих кто во что горазд и подбивающих меньшинство непьющих в пользу того, кто расщедрился на водку. Расщедрился на несколько ведер водки ненавистный миру кровопийца-старшина — и отуманенные водкой крестьянские головы жалуют его в отца-благодетеля, снова отдаваясь ему в руки, избирая его на новый срок» [5, с. 92]. Несмотря на то, что «закон запрещал торговлю вином волостному начальству», через подставных лиц волостные старшины и старосты в некоторых волостях «заведовали» кабаками, что вело к поощрению пьянства среди крестьян [6, с. 286].

За 1883–1888 гг. автором обнаружено более 25 статей в «Екатеринбургской неделе», посвященных виноторговле и проблеме алкоголизма в крестьянских обществах. Выводы на страницах этого периодического издания были удручающими: «Бог знает, что и будет, если такое пьянство не прекратится у нас. Кажется, некоторые мужички готовы будут заложить кабатчику и душу, когда нечего будет уж закладывать, чтоб только купить водки» [7, с. 396].

Только за короткий период конца 1892 — начала 1893 гг. в Ирбитском уездном по крестьянским делам присутствии, являвшимся надзорным органом для волостных правлений соответствующего уезда, рассматривалось большое количество дел, связанных с пьянством в среде крестьянского самоуправления. В сельском самоуправлении часто старосты угощали вином общественников, чтобы добиться нужного решения: «В обществе крестьян пускал в ход подпаивание вином тех домохозяев, кои соглашались с мнением его, Колмакова, в отношении писаря Елфимова» [8, л. 206].

Удивительно, что уездные по крестьянским делам присутствия за доказанные случаи пьянства на сельских сходах принимали довольно мягкие решения. Так, 1892 г. чурманский волостной старшина Ирбитского уезда доложил, что «помимо его, старшины, ведома, Ботавское сельское общество составило приговор о дозволении виноторговли в 1893 г. ирбитской купеческой жене Константиновой». При расследовании дела оказался целый спектр нарушений: 1) «приговор» составлен в г. Ирбите доверенным Константиновой, а не на самом сходе; 2) за приговор «выражены» вино и деньги, «из коих первое выпито обществом, а деньги разделены по рукам». При этом староста Боталов объяснил, что с доверенного Константиновой «за дозволение взято 48 рублей, которые обществом действительно разделены по рукам — на наличные души. Приговор о дозволении виноторговли написан в г. Ирбите с данных голосов, а затем им, старостою, удостоверен приложением должностной печати без записи приговора в установленную книгу... За выдачу приговора выпито обществом вина 1,5 ведра по предложению доверенного Константиновой». Из 74 домохозяйств, присутствовавших на этом сходе 56 пили вино и получили деньги по 30 копеек, а 18 представителей домохозяйств — лишь денежное вознаграждение. В итоге Ирбитское уездное присутствие оставило решение схода в силе, старосту оштрафовали на 3 рубля, а с пьянствующей публики было потребовано по 60 копеек. Трезвенники потеряли лишь те деньги, которые им выдали за решение на сходе [8, л. 224–226 об.]. В любом случае,

все остались в выигрыше: Константинова получила право на вино-торговлю, трезвенники вернули лишь полученные ранее денежные вознаграждения, а большинство крестьян, несомненно, запомнили общее «винопитие» и коллективный праздник удался на славу!

Иногда старосты «выколачивали» деньги на выпивку и угрожали ссылкой в Сибирь даже несовершеннолетним: «Благодаря своей молодости (просителю 17 лет от роду), он занял денег и требования старост удовлетворил». В итоге старостами было «выпито вина семь бутылок», а наказанием им стал лишь арест при полиции до пяти дней [8, л. 302 об., 303, 308]. Некоторые сельские старосты даже за простые хозяйственные услуги, например содержание зимних прорубей, «справляли» с крестьян «бутылки вина», не давая общественникам заключать договоры на более выгодных условиях [8, л. 308 об. – 309]. Волостные старшины также «принимали угощение вином», раздавая ссуды крестьянам «по своему усмотрению вопреки приговору сельского схода, утвержденному земской управой. Причем у бедных крестьян убавлял ссуду и прибавлял другим, более состоятельным», но Ирбитское уездное присутствие все равно отправляло старшину на семь дней под арест при полиции [8, л. 89–91].

Естественно, региональные власти отчитывались в столицу о мерах борьбы с пьянством в среде крестьянского самоуправления, которые заключались в основном в отстранении от должностей волостных и сельских начальников. Так, в 1860-х гг. «в Новгородской губернии в течение семи лет удалено от должности 166 волостных старшин, из которых 80 преданы суду за преступления и 20 — за растрату денег. По Тамбовской губернии в 1868 г. удалено 49 старшин, из коих 12 с преданием суду, сельских старост за нерадение и пьянство сменило 124. По Ярославской губернии в том же году отрешено 44 сельских старосты, 8 предано суду, а 674 подвергнуты административным взысканиям. В Калужской губернии в 1864 г. было отрешено от должностей более трети волостных старшин, и при объезде волостей губернатором многие из сельских старост представлялись к нему пьяные. Смена крестьянских начальников не приносит пользы, потому что новые выборы под тем же влиянием бывают не лучше» [9, л. 9–9 об.].

Действительно, уездные по крестьянским делам присутствия по рапортам из волости могли на первый раз привлечь пьяниц из системы крестьянского самоуправления к административной ответственности в виде ареста на несколько дней при волостном

правлении, но когда алкоголик попадался во второй раз, то обычно его просто отстраняли от должности. Так, Шогринский волостной заседатель Иван Потаскуев в 1892 г. был признан виновным в неисправности по службе благодаря нетрезвому образу его жизни и приговорен к аресту при волости на два дня. Через несколько месяцев Шогринский волостной старшина снова донес о пьянстве заседателя Потаскуева «и о том, что он, бывши в винной лавке в деревне Сарафанной, украл с вином четвертную бутылку. За это по решению волостного суда от 13 числа минувшего февраля месяца за № 12 приговорен к аресту при волости на семь дней». В доставленном отзыве Потаскуев объяснил, что «в указанное старшиной время он был очень пьян. И потому ничего не помнит». Ирбитское уездное по крестьянским делам присутствие признало, что «подобные ему должностные лица не могут быть терпимы без вреда делу не только в волостном управлении но и вообще во всякой общественной службе» и отстранило Потаскуева от должности, предложив волостному обществу избрать «в заседатели другое лицо одобрительного поведения» [8, л. 269 об. – 271].

Большинство же подобных дел уездных присутствий заканчивались административным взысканием в виде ареста. В феврале 1893 г. Чурманский волостной старшина в представлении в Ирбитское уездное присутствие донес о следующем: «Во время сбора податей с крестьян Дягилевский сельский староста Ульянов Дягилев всегда почти бывает пьян, а в дни самой записки денег в книгу сборщиком податей выходит среди горницы и пускается в пляску, смотря на такого старосту крестьяне величают его балдой и свиньей, но то величание не проходит виновным даром, так как на другой день проспавшийся староста с обидчиков выбивает по сороковке и сам покупает бутылку вина, а потом снова бывает пьян и опять позволяет старые безобразия». На замечания старшины, Ульянов выражался следующим образом: «Нельзя старосте не пить вина!» Члены уездного присутствия посчитали, что «от нетрезвого образа жизни и других творимых безобразий Дягилевского сельского старосту Дягилева может остепенить административное взыскание», то решили «на первый раз арестовать при полиции на семь дней» [8, л. 275–276 об.].

Иногда уездные по крестьянским делам присутствия наказывали представителей крестьянского самоуправления ради воспитательного процесса. Так, председатель Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия Степан Иванович Пономарев

заявил, что при производстве ревизии делопроизводства Шмаковского волостного правления не было замечено «существенных или грубых упущений». При этом «небрежность и нерадение по письмоводству проглядывают на каждом шагу. Кроме того, писарь Буланов, несмотря на свою молодость (ему всего 19 лет), имеет уже пристрастие к спиртным напиткам и под влиянием их составил себе ложное понятие о писарской власти, проявляет ее неуместно и грубо, словом, в Буланове разыгрываются нравственные приемы неодобрительного свойства. Но так как Буланов еще молодой человек, то он, господин председатель, полагает на первый раз испытать по отношению к нему одну из административных исправительных мер, и если после сего Буланов не исправится, то уездное присутствие имеет всегда возможность принять против Буланова другие, более строгие меры» [8, л. 244–246].

В последней трети XIX в. каким-то образом различали степени опьянения «по отзывам свидетелей», при этом должностных лиц, которые были слабо пьяными — «навеселе» вовсе могли освободить от ответственности. В 1890 г. в Ирбитское уездное по крестьянским делам присутствие поступила жалоба на Сосновского старосту Харловской волости, который, «бывши в пьяном виде, взыскивал денежный штраф с Ипполита Сосновских, но определение свое в исполнение привести не мог, так как от вина он ослаб и уснул на лавке». Непременный член присутствия провел «дознание» и выяснил у сельского писаря Федула Сосновских, что «староста был не сильно пьян, а только навеселе». В результате, члены присутствия подумали, что, хотя староста и был «навеселе», но ничего противозаконного не совершил и решили «никакому взысканию не подвергать» [8, л. 14–16]. Подобные мягкие наказания вели только к увеличению проблем самоорганизации и администрированию в крестьянском самоуправлении. В начале 1860-х гг. члены Пермского губернского по крестьянским делам присутствия прямо отмечали, что за провинности по службе некоторых старост наказывали «отрешением от должности с преданием суду», но это они «считают для себя очень выгодным и тем самым поощряют и других старост к неисполнению своих обязанностей, чтоб получить возможность избавиться от общественной службы» [10, л. 23].

Таким образом, слабость административного надзора за всей системой крестьянского самоуправления 1860–1890-х гг. показана в «борьбе» с пьянством в среде «волостных начальников». Уездные по крестьянским делам присутствия в большинстве случаев

привлекали волостных старшин, писарей, сельских старост и др. к ответственности в виде ареста на несколько дней при волостных правлениях, но когда любители выпить попадались в следующий раз, то их просто снимали с занимаемых должностей. В последней трети XIX века без специальных анализов «на взгляд» различали степени опьянения, при этом крестьянских должностных лиц, которые были слабо пьяными вовсе освобождали от ответственности, что естественным образом способствовало дальнейшему ослаблению контроля за пореформенными крестьянскими учреждениями и давало отличный повод современникам подвергать справедливой критике необразованные массы «беспробудно пьянствующих» сельских жителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Дружинин, Н.** Юридическое положение крестьян : Исследование [Текст] / Н. Дружинин. — СПб. : Н.К. Мартынов, 1897. — 385 с.
2. **Крисчн Д.** Забытая реформа: отмена винных откупов в России [Текст] / Дэвид Крисчн // Великие реформы в России : 1856–1874 : [сб.] / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
3. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1884. — 19 сентября. — № 37.
4. Пермские губернские ведомости [Текст]: Часть неофициальная. — 1885. — 6 февраля. — № 11.
5. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1883. — 2 февраля. — № 5.
6. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1883. — 4 мая. — № 17.
7. Екатеринбургская неделя [Текст]. — 1884. — 29 мая. — № 21.
8. ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 512.
9. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1047.
10. ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Ф. 41. Оп. 1. Д. 354.

Popp Ivan Aleksandrovich
Peasant self-government in 1860–1890-ies
in the Urals: to the Problem of struggle
against drinking of “Volost Chiefs”

Popp Ivan Aleksandrovich, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Ural State Pedagogical University; e-mail: popp82@mail.ru.

Abstract. *The article shows the “struggle” with drunkenness among the peasant self-government in the period 1860–1890s. Soft punishments for alcohol-prone volost foremen, clerks, rural elders and the release of “drunk” rural officials from punishment contributed to further weakening of control over the post-reform peasant institutions and the deterioration of the attitude of contemporaries to the peasant class as a whole.*

Keywords: *peasant self-government, volost foremen, rural elders, Great reforms, drunkenness, alcoholism, Perm province, peasant community, volost court.*

УДК 94(571)

В.Д. ПУЗАНОВ¹

ДЕТИ БОЯРСКИЕ ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЕ В XVII ВЕКЕ

Аннотация. *Город Верхотурье в эпоху присоединения Сибири был крупным административным и военным центром. В XVII в. дети боярские в Верхотурье формировались из разных групп населения: присланных на службу из Москвы служилых людей, ссыльной шляхты из Польши, потомков этих пришедших русских и иноземцев, детей боярских из других городов, представителей ряда групп служилых людей — казаков, стрельцов, гулящих людей, крестьян и посадских людей.*

Ключевые слова: *дети боярские, дворяне, казаки, стрельцы, город, уезд.*

Город Верхотурье был построен воеводами Василием Головинным и Иваном Воейковым в 1598 г. на пути из «русских городов» и стал воротами на восток — в Сибирь. Редкая русская рукопись XVII в. «Подлинное описание Сибирского государства», включенная в список первой сибирской Есиповской летописи, отмечала, что город Верхотурье — это первый центр Сибири. «Сия убо Сибирская страна от полунощья на север отстоит от государства Российского от царствующаго града Москвы до перваго сибирского града Верхотурья две тысячи верст. А поспевают зимним путем с возами недель шесть и в семь, а скорою ездою в три недели безо всякой меш-

¹ Пузанов Владимир Дмитриевич, д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск;
e-mail: alan1971@bk.ru.